

МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ЮГА РОССИИ

MUSICAL CULTURE OF THE SOUTH OF RUSSIA

УДК 782.9+7.07

DOI: 10.52469/20764766_2024_03_05

А. Я. СЕЛИЦКИЙ

Ростовская государственная консерватория им. С. В. Рахманинова

ГРИГОРИЙ ВАЛЬЯНО: МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ. НА СЛУЖБЕ У МИХАИЛА ЛЕНТОВСКОГО.

Статья третья

Творческая биография Григория Ставровича Вальяно (1830–1888) делится на два крупных периода. В 1864–1875 годах он держал антрепризу в Ростове-на-Дону, репертуар которой с 1869 года был переориентирован преимущественно на оперетту. Тем самым в историю жанра Вальяно вписал свое имя как создателя первого в России чисто опереточного театра. Несмотря на зрительский успех, предприятие прекратило свое существование по причине финансовых неудач. Последующие годы, за отдельными исключениями, он трудился в чужих антрепризах.

Отдельную яркую страницу жизни и деятельности Вальяно составляют несколько лет службы в Москве у Михаила Лентовского, одного из самых ярких организаторов театрального дела в России последней четверти XIX века. Здесь Вальяно играл на сцене, выполнял обязанности второго режиссера, активно помогал владельцу в реализации его смелых хозяйственных инициатив, участвовал в разработке сценографических решений, подборе костюмов и реквизита, переводил либретто парижских и венских оперетт.

Энергичный, опытный, разносторонне одаренный, он был для Лентовского ценным приобретением. В свою очередь, Лентовский сыграл в профессиональной судьбе бывшего ростовчанина роль решающую и при этом двойственную. С одной стороны, Вальяно получил возможность играть с сильными партнерами, выступать перед московской и петербургской публикой, находиться в гуще грандиозных проектов. С другой стороны, «эпоха Лентовского» завершилась для него катастрофой – унижительной отставкой, нанесшей ему сильнейший удар.

В предлагаемой статье впервые вводятся в научный обиход газетные и журнальные публикации 1870–1880-х годов, а главное, сохранившиеся девять писем Вальяно к Лентовскому, никогда не публиковавшиеся и не комментировавшиеся. Они проливают свет на соответствующий период художественной жизни артиста, впервые подвергающийся описанию и осмыслению.

Ключевые слова: Оперетта в России XIX века, театральное дело М. Лентовского, сад и театр «Эрмитаж» в Москве, переписка Г. Вальяно и М. Лентовского, театральные антрепризы в провинции.

Для цитирования: Селицкий А. Я. Григорий Вальяно: материалы к биографии. На службе у Михаила Лентовского. Статья третья // Южно-Российский музыкальный альманах. 2024. № 3. С. 5–15.

DOI: 10.52469/20764766_2024_03_05

A. SELITSKY

S. Rachmaninov Rostov State Conservatory

GRIGORI VALLIANO: MATERIALS FOR A BIOGRAPHY. IN MIKHAIL LENTOVSKY'S SERVICE.

Article three

The creative biography of Grigori Valliano (1830–1888) is divided into two major periods. In 1864–1875, he ran an enterprise in Rostov-on-Don, whose repertoire since 1869 has been reoriented mainly to operetta.

Thus, in the history of the genre, Valliano inscribed his name as the creator of Russia's first purely operetta theater. Despite the success of the audience, the company ceased to exist due to financial failures. In the following years, with some exceptions, he worked in other people's businesses.

A separate bright page of Valliano's life and work consists of several years of service in Moscow with Mikhail Lentovsky, one of the most prominent organizers of theatrical business in Russia in the last quarter of the 19th century. Here, Valliano played on stage, performed the duties of a second director, actively helped the owner in the implementation of his bold economic initiatives, participated in the development of set design solutions, the selection of costumes and props, or translated the librettos of Parisian and Viennese operettas.

Energetic, experienced, and multi-talented, he was a valuable asset to Lentovsky. In turn, Lentovsky played a decisive and at the same time dual role in the professional fate of the former Rostov resident. On the one hand, he got the opportunity to play with strong partners, perform in front of Moscow and St. Petersburg audiences, and be in the thick of grandiose projects. On the other hand, the "Lentovsky era" ended in disaster for him – a humiliating resignation, which dealt him a severe blow.

The proposed article introduces for the first time into research using some newspaper and magazine publications of the 1870s–1880s, and, most importantly, the nine letters of Valliano to Lentovsky that have never been published or commented on. They shed light on the corresponding period of the artist's artistic life, which is being described and comprehended for the first time.

Keywords: Operetta in Russia of the 19th century, M. Lentovsky's theatrical affairs, the Hermitage Garden and Theatre in Moscow, correspondence between G. Valliano and M. Lentovsky, theatrical enterprises in the province.

For citation: Selitsky A. Grigori Valliano: materials for a biography. In Mikhail Lentovsky's service. Article three. In: South-Russian Musical Anthology. 2024. No. 3. Pp. 5–15.

DOI: 10.52469/20764766_2024_03_05

«Маг и чародей»

М. В. Лентовский

После трех лет скитаний по городам и театрам (см.: [1]) в биографию Вальяно вошел персонаж, надолго определивший судьбу ростовского экс-антрепренера. Он сближался с ним и отдалялся, приходил в его предприятия и уходил; уходя, ощущал незримую связь, подобную притяжению мощного магнита, вновь возвращался, испытывая радость причастности к захватывающим театральным инициативам – и горькие обиды. В 1878 году Вальяно начал служить у личности совершенно незаурядной – Михаила Валентиновича Лентовского (1843–1906). О персоне гениального антрепренера стоит напомнить.

Масштаб его фигуры, яркая одаренность, размах деяний, превратности судьбы ошеломляют. Уроженец Актарска, маленького городка Саратовской губернии, сын бедного музыканта, он снискал расположение великого Михаила Щепкина, у которого взял несколько уроков сценического мастерства, что не преминул указать потом в своей визитной карточке. Совсем молодым поступил на сцену Малого театра в Москве и уже оттуда, в традициях этого театра, был отправлен в провинцию «поднабраться мастерства», играл, в том числе, в опереттах и водевилях, пробовал себя в режиссуре. Восьмилетний маршрут такой «стажировки» пролет через Орел, Казань, родной Саратов, Харьков,

Одессу. Поработал он и в Новочеркасске, где даже удостоился бенефиса («Гамлет», заглавная роль), о чем не сообщается ни в одной из биографий Лентовского и что запечатлено на страницах издававшихся в городе газет «Донские войсковые ведомости» и «Донской вестник» за 1867–1868 годы. Здесь артист обратил на себя

внимание «красивою наружностью, приятным голосом и недюжинным сценическим дарованием» [2, с. 32]. В заслуживающем доверия издании сказано, что в те годы Лентовский служил статистом у Вальяно [3, с. 10]. Других подтверждений этому факту нет, в то же время личное их знакомство, учитывая территориальную близость Ростова и Новочеркасска, более чем вероятно.

В Малый театр он вернулся, как отмечалось в печати, «опытным, обыгравшимся в провинции актером» [4, с. 63]. Выходил на сцену в опереточных спектаклях, продолжал осваивать профессию режиссера, приобрел известность и авторитет в театральной среде. Однако мысль открыть свое театральное дело не давала покоя. Первые шаги в этом направлении он предпринял, еще служа в Малом. С весны 1877-го Лентовский возглавил Летний театр при Артистическом кружке, руководимом Александром Островским и Николаем Рубинштейном, собрал сильных артистов, большой оркестр, хор, балет. Художником пригласил Карла Вальца – непревзойденного мастера сценических «чудес», главного декоратора Большого театра, который в этом же году оформит премьеру «Лебединого озера» Чайковского, позднее целый ряд балетов-феерий, будет сотрудничать с хореографом Александром Горским, практиковать в «Русских сезонах» Сергея Дягилева в Париже. Затем Лентовский становится во главе опереточной труппы театра Солодовникова (где в последующем разместится Московский театр оперетты). Тем самым он активно борется с монополией императорских театров, отстаивая право на существование театров частных; в провинции антрепризным предприятиям жилось вольготнее.

С этих пор одновременное руководство несколькими театральными заведениями в двух, а то и трех городах становится нормой его существования. Скоро журнал «Зритель» поместит карикатуру: Лентовский обедает, на тарелке перед ним театры «Буфф», «Аркадия», «Скоморох», «Фантастический театр», «Эрмитаж», театр в Нижнем Новгороде, еще не осуществленные проекты. Подпись: «Авось переварит...» [4, с. 189].

Воспользовавшись внутренними пертурбациями в Малом, в 1882 году он ушел «по собственному желанию», с сохранением звания артиста императорских театров. Жажда самостоятельной деятельности теперь уже непреодолима настолько, что Лентовский отвергает предложение директора императорских театров Ивана Всеволожского занять должность оперного режиссера Большого театра.

В 1878 году Лентовский арендовал театр и сад «Эрмитаж»¹, который станет любимым детищем антрепренера и принесет ему всероссийскую известность. В XVIII веке сад принадлежал Льву Пушкину, деду поэта, впоследствии среди его владельцев значился московский генерал-губернатор граф Александр Тормасов. В 1830–1840-е годы сад приходил в запустение, арендаторы часто сменялись. Сняв «Эрмитаж», Лентовский, который никогда не был женат, переселился с сестрой и матерью в маленький домик в саду. Сад он решительно перестроил, возвел новые здания, провел электрическое освещение. В результате революционных преобразований в «Эрмитаже» расположились, помимо театра, ресторан, кегельбан, читальня, открытый амфитеатр «Фантастический театр», посередине пруда – музыкальная эстрада, а вокруг него – шатры цыганского табора, дающего концерты. Собравшиеся слушали игру двух оркестров, пение русского хора, выступление комика-куплетиста, с замиранием сердца лицезрели цирковые номера гимнастов, иллюзионистов и канатоходца, состязания по бегу и борьбе, могли видеть стрелков в цель, укротителей диких зверей, полет на воздушном шаре.

Не имея никакого личного капитала, Лентовский ворожал гигантскими денежными суммами. Брал в долг; не вернув его до конца, влезал в новый; получал огромные доходы, но финансовой стабильности не знал никогда: щедро платил артистам и другим работникам, тратился на строительство и благоустройство, техническое оснащение. Его постоянно преследовали кредиторы (московская легенда гласит, что одного из них, проявившего неуважение и чрезмерную настойчивость, он сбросил в пруд, и присутствовавший при происшествии генерал-губернатор князь Владимир Долгоруков занял сторону обидчика), но и желающие «вложиться в Лентовского» не переводились.

К нему валом валила публика, его любили артисты, выдающиеся современники поддавали под его магнетическое обаяние. Предоставим им слово.

Александр Плещеев, сын поэта, в молодые годы актер провинциальных и столичных театров, редактор и обозреватель газеты «Театральный мирок»: «Имя Лентовского займет одну из светлых страниц истории не только развития частной антрепризы, но и вообще истории русского театра» [5, с. 1]. «В России нет другого Лентовского, обладающего такой фантазией, таким богатством вкуса и запасом энергии» [6, с. 1].

Карл Вальц (представлен выше): «Лентовский, безусловно, был самой оригинальной личностью, с которой меня когда-либо сталкивала

судьба. Одаренный громадными способностями как режиссер, безалаберный, талантливый и сумбурный, он был типом шалого русского человека... Нажить и прожить сотни тысяч рублей было для него пустяшным делом... Бравата и артистичность были его плотью и кровью... Административные таланты Лентовского были феноменальны... [Он] завербовал себе превосходных артистов». Далее в числе лучших актеров Лентовского мемуарист называет Вальяно [7, с. 182–183].

Влас Дорошевич, один из самых читаемых публицистов, театралный критик: «Это был не человек, а легенда... Красавец. Богатырь. С шапкой черных кудрей. Борода надвое... От него веяло энергией, несокрушимой силой. И красотой. Громкий голос. Красивый жест... Лентовский развлекал жадную до зрелищ Москву невиданными зрелищами. И Москва его за это боготворила... Я видел все увеселительное, что есть в мире. Ни в Париже, ни в Лондоне, ни в Нью-Йорке нет такого сказочного увеселительного сада, каким был московский “Эрмитаж”» [8, с. 69, 71].

Владимир Гиляровский, писатель, автор колоритных очерков о дореволюционной Москве, журналист, криминальный репортер: «Кто-то в публике, указывая на статную фигуру М. В. Лентовского в белой чесучовой поддевке, бросил крылатое слово: Московский маг и чародей. Слово это подхватили газеты, и это имя осталось за ним навсегда... Только “маг и волшебник” мог создать из развалин то, что сделал Лентовский в саду “Эрмитаж”. Когда-то там было разрушенное барское владение с вековым парком, огромным прудом и остатками дворца... И вырос “Эрмитаж” среди задворков убогих... засверкал огнями электричества и ослепительных фейерверков, загрел оркестрами из знаменитых музыкантов!.. Антон Павлович Чехов с братом Николаем, художником, работающим у Лентовского, вместе с архитектором Шехтелем² стоят у тира и любуются одним своим приятелем...» [9, с. 320–323].

Москва, сад и театр «Эрмитаж». 1880-е гг.

Александр Островский, не только «первый драматург страны», но и общественный деятель, добивавшийся административных преобразований для улучшения положения артистов и подготовивший, выражаясь современным языком, служебную записку в дирекцию Императорских театров, в которой, в частности, говорится о Лентовском: «Талантливый и ловкий антрепренер... ведет свои дела с большим успехом и уважением к искусству, он не жалеет никаких издержек, где видит выгоду, и не упустит выгоды, где она представляется, зато и не боится убытков; при всей строгости художественной дисциплины на сцене, отношение его к артистам выше всякой похвалы, а артисты его любят безгранично» [10, с. 108].

Константин Станиславский, будущий создатель Художественного театра, начинавший свою актерскую карьеру в домашнем любительском театре с ролей в водевилях и опереттах, на всю жизнь сохранивший любовь к «хорошей оперетке»: «Лентовский собрал прекрасные артистические силы, среди которых были подлинные таланты, певцы и артисты всех амплуа. Энергией этого исключительного человека было создано летнее театральное предприятие, не виданное нигде в мире по разнообразию, богатству и широте. Он обладал огромной силой, импозантной фигурой с широкими плечами, с красивой черной окладистой бородой немного восточного типа и с длинными русскими волосами под старинного боярина. Громкий голос, энергичная уверенная походка, русская поддевка из тонкого черного сукна, высокие лаковые сапоги придавали всей его фигуре молодежавшую стройность. Большая золотая цепь, увешанная всевозможными брелоками и подношениями от публики и именитых лиц, не исключая и коронованных. Русский картуз с большим козырьком и огромная палка, почти дубина, устранившая всех скандалистов. Лентовский неожиданно появлялся во всех углах своего огромного сада, не упуская из виду ничего, в нем происходившего» [11, с. 131, 133–134].

Он заказывал для своего театра оперу Чайковскому, который смотрел одну из его феерий, и тот ответил согласием, хотя замысел остался нереализованным. Мастер устройства массовых зрелищ, Лентовский разработал проект и осуществил организацию «народного праздника» по случаю коронации Александра III в 1883 году.

Образ антрепренера на пике его славы встречается в целом ряде произведений Чехова. Однажды под острое перо 22-летнего фельетониста попал, в связи с Лентовским, и сам Вальяно (Чехов не мог не помнить, что его собственное увлечение театром началось в Таганроге с посещения

поставленной Вальяно «Прекрасной Елены», но о том, что они земляки, умолчал): «В саду “Эрмитаж” во время репетиции случился скандал. Гг. Чернов и Вальяно, куря сигары, заронили искру в чье-то кисейное платье, только что принесенное горничной и лежавшее на сцене на табурете. Платье, разумеется, загорелось» [12, с. 142]³.

В жанровом отношении Лентовский отличался всеядностью – подобно практически всем антрепренерам и даже дирекции императорских театров; как актер, он тоже играл в широчайшем репертуарном диапазоне (от Шекспира до сомнительного водевиля); то же можно сказать о его режиссуре. Но, думается, мы не сильно погрешим против истины, если заявим, что сердце его принадлежало оперетте. В жизни Лентовского – артиста, режиссера, предпринимателя – жанр этот стал путеводной звездой. Его возвращение из провинции на сцену Малого театра началось с оперетты и преимущественно опереттой продолжилось. Опереттой «Дочь мадам Анго» Шарля Леккока открыл он представления в Летнем саду, ставил оперетты и играл в театре Солодовникова... Так будет в «Эрмитаже» и других его театрах.

Служба и дружба. Катастрофа

Итак, Вальяно поступил на службу к Лентовскому в 1878 году, когда и начался взлет антрепренера, ставшего летом давать спектакли в «Эрмитаже», а в холодные месяцы – в театре «Буфф». Именно в это время труппа пополнилась новыми артистами, в их число вошел и Вальяно, которого биограф Лентовского упоминает специально. Об актерском ансамбле, собравшемся в сезоне 1882/1883 года, тот же автор пишет: «такой по составу труппы Россия еще не знала. Действительно, было собрано все лучшее, что тогда имелось в области оперетты» [4, с. 102, 163]. Репертуарную направленность театра недвусмысленно манифестировал занавес с изображениями портретов упомянутого Леккока, Жака Оффенбаха, Флоримона Эрве, Франца Зуппе – тех, кого позже назовут классиками парижской и венской оперетты. Наступил второй, после Ростова, звездный час Вальяно, который длился несколько лет и закончился крайне драматично.

Обстоятельства его попадания к Лентовскому доподлинно не известны. В литературе, помимо нейтральных констатаций самого факта, встречаются две точки зрения на этот счет, и обе они основаны на догадках. В воспоминаниях Григория Пальма говорится: «старик перекочевал в Москву к *приютившему* его Лентовскому» (курсив мой. – А. С.) [13, с. 740]. «Старику», напомним, было на тот момент 48 лет. Автор объ-

емистого труда об оперетте Моисей Янковский утверждает: «...собирая опереточные силы, московский антрепренер *выписывает* из провинции актеров, в том числе Вальяно» (курсив мой. – А. С.) [14, с. 275].

Так или иначе, – удовлетворяя ли просьбу Вальяно, проявляя ли инициативу, – Лентовский получил в его лице ценнейшего работника. Энергичный, разносторонне одаренный, Вальяно оказался для него подлинной находкой. Он не только выходил на сцену в комических ролях, но и, по своему обыкновению, реализовывал себя в самых разных театральных профессиях. Служил вторым режиссером, то есть вел предварительную работу над спектаклями, перед тем как в дело вступал сам Лентовский [3, с. 102]. Добавим к сказанному подбор костюмов и реквизита, участие в разработке сценографических решений, переводы либретто – и станет очевидным, что в предприятиях «мага и чародея» наш герой был фигурой особенной, если не уникальной, – даже рядом с выдающимися специалистами, которых Лентовский привлекал к сотрудничеству. Видимо, недаром ростовский корреспондент московской театральной газеты, сообщая о сценическом искусстве родного города, выказывает осведомленность о «послеростовской» судьбе Вальяно (хотя с момента его отъезда прошло почти 10 лет) и как бы между прочим называет его «маэстро Лентовского» [15, с. 5]. Маэстро! – То есть выдающийся деятель!

В изданных источниках говорится, что, придя к Лентовскому, Вальяно прослужил у него почти до конца своих дней (см., например: [16, с. 75]). Будь это так, «эпоха Лентовского» могла бы считаться для Вальяно вторым после Ростова периодом оседлости и относительной стабильности. На деле все сложилось иначе.

Пролить свет на бурные события последнего десятилетия жизни нашего героя помогают сохранившиеся в архивно-рукописном отделе Бахрушинского музея девять писем Вальяно к Лентовскому, никогда ранее не публиковавшиеся и не комментировавшиеся. Содержание и датировка писем, места их отправки, с одной стороны, обогащают и уточняют фактологию, почерпнутую из периодики тех лет, с другой, – задают новые загадки, которые пока остаются неразгаданными⁴. Впервые вводимые в научный обиход, эти послания заслуживают цитирования или краткого пересказа.

Хронология выстраивается следующим образом.

1879, март, на следующий год после начала службы. Лентовский в Петербурге, затем в Париже, Вальяно в Москве, где полным ходом идет капитальная реконструкция сада «Эрмитаж».

Большая часть восьмистраничного письма читается как подробный, по пунктам, доклад деятельного и инициативного управляющего, вникающего во все подробности строительных и отделочных работ. Владелец предприятия узнает о расширении сцены, реконструкции помещения в целом и прилегающей территории с «декорационным сараем», террасой, зданием буфета, о том, как ревниво отстаиваются помощником интересы заказчика в спорах с архитекторами и подрядчиками. Письмо дышит энергией и чувством удовлетворения от участия в большом деле, оно написано человеком, знающим себе цену. «Целую» в последних строчках, упоминаемые подробности личного общения, понятные только им двоим («дерзаю напомнить бабушкины советы») свидетельствуют об отношениях товарищеских, но с соблюдением субординации [17, л. 1–4].

Однако между весной и осенью случилось некое происшествие, в результате которого Вальяно вышел из труппы Лентовского.

1879, октябрь, письмо из Одессы. Истинный вопль раздражения и досады! Отправитель не стесняется в выражениях. «Куда я попал! Болото, пародия театра, насмешка над опереттой, клоака. Во главе – дурак, ничего не понимающий, поддающийся всякому первому напештыванию... Старые оперетки... ставятся с отчаянными купюрами, балаганно, мерзко. Вообразите, какво мне, привыкшему за полтора года к Вашему честному и энергическому ведению дела! Как актера меня публика принимает, но я играю мало. Как режиссер я нравственно гибну. Надо побыть здесь, чтобы узнать Вам и Вашему театру цену! Я на ножах, но сил и терпения моего уже не хватает». Далее – о поисках другого места, о планах уехать в Николаев, где он вскоре и окажется, и тут же: «Напишите, когда я Вам нужен, и если нужен, то с каких пор? Возвратиться к Вам будет для нас⁵ праздник» [18, л. 1–2].

С чем связан переезд в Одессу, – можно только выдвигать гипотезы. Позволил ли себе крутой нравом Лентовский какую-либо резкость, после которой оставаться у него Вальяно считал невозможным? Уехал ли он на юг для поправки здоровья – собственного или своей жены (в письме об этом не сказано ни слова)? Немыслимо, чтобы уход совершился по своей охоте; он не мог не понимать: в его положении лучшего места службы нет и быть не может. Они расстались, но в тексте – ни тени обиды, получатель остается для него «многоуважаемым», «добрым патроном».

1879, декабрь, письмо из Николаева, где Вальяно уже во второй раз работает в труппе Максимова. Здесь дела обстоят лучше, чем в Одессе, он даже имеет бенефисные спектакли, но все это

не идет ни в какое сравнение с постановкой дела у Лентовского. Однако, – вспоминает Вальяно русскую поговорку, – «лучше маленькая рыбка, чем большой таракан». Причины размолвки продолжают его тревожить. Заверяя в своем уважительном отношении, признает *обоюдные* несовершенства: «Вы знаете, что я Вам искренне предан; если же иногда ворчу или ругаюсь за глаза, то положение, лета и толчки судьбы-индейки могут служить в извинение. Кто бабке не внук⁶, и у кого нет слабостей. Лучше Вас антрепренера вообразить не могу... а как человека, несмотря на Ваши слабости, я понял и высоко ценю» [19, л. 1–4].

1880, январь, оттуда же. Вальяно прозрачно намекает, что Лентовский потерял в его лице надежного соратника, служившего ему верой и правдой: «Сожалею, что Вас подлецы ввели в 9½ т[ысяч] убытка, но еще подлее, если это произошло от неprisмотра доверенных лиц» [20, л. 1–3].

Сквозь все три письма настойчиво проходит лейтмотив: «Рад моему обязательству возвратиться к Вам на служение», «Прошу не сомневаться в глубокой и искренней преданности», «Жду приказ, когда явиться?». О неокончателности разрыва говорит и продолжающаяся работа Вальяно над французскими либретто для Лентовского (упоминаются несколько таких работ).

И Лентовский сменил гнев на милость – вернул изгнанника под свое крыло. Весной 1880 года Вальяно входит в громадную, численностью 220 человек, труппу Лентовского во вновь открытом «Эрмитаже» [21, с. 1–2] – том самом, поражавшем воображение современников «Эрмитаже», в перестройке которого он принимал энергичное участие годом ранее. Вальяно вновь весьма активен в разных ипостасях, и не только собственно театральных: он – вечный борец за справедливость. Давно отошедший от дворянской среды потомок именитых родов не утратил представлений о чести – своей и чужой. Некогда в Ростове он отстаивал честное имя обогланного журналиста [22]. В Одессе рассорился с антрепренером, вступившись за дирижера Дусса, которого незаслуженно «отпихнули на второй план, в полутень», а затем уволили; уже находясь в Николаеве, хлопотал (безуспешно) за него [17; 19]⁷. Сейчас в Москве ходатайствует за работников производственных цехов: портные и швеи, которые «работают усердно с 8½ часов утра до 10½ вечера, просят ради Пасхи на свои нужды». Им задолжали, деньги нужны немедленно, пока не закрылись магазины перед праздником. (И опять – народная поговорка, которыми, похоже, он любил пересыпать свою речь: «Дорого яичко на Красный день» [23, л. 1]).

Последующие годы в биографии Вальяно – продолжение «эпохи Лентовского». Его имя как актера и режиссера мелькает в периодической печати, позже запечатлется в мемуарной литературе. Из воспоминаний о детстве актера Павла Орленева: «Мы жили в это время (начало 1880-х гг. – А. С.) на Цветном бульваре в доме Торопова, там же помещалась семья известного режиссера и опереточного комика Григория Ставровича Вальяно... Отец мне разрешил учиться гимнастике и фехтованию вместе с братьями Вальяно, Ставром и Дмитрием, приходящими учениками кадетского корпуса» [24, с. 8].

Самое раннее из зафиксированных свидетельств напряжения в отношениях – короткое письмо к Лентовскому спустя пять с половиной лет после «второго пришествия» к нему Вальяно.

1885, сентябрь, оба находятся в Москве. «Не соблаговолите ли Вы видеть старого, преданного Вальяно? Завтра, 1 октября, в 11 часов утра зайду, примите меня. Всегда готовый к услугам...» [25, л. 1].

Есть основания полагать, что кризис назревал раньше и к этому моменту обозначился уже со всей определенностью. Когда «маг и чародей» начал охладевать к соратнику, каковы причины недовольства антрепренера, остается неизвестным.

По информации московского еженедельника, весной и в начале осени 1885 года Вальяно – успешный артист и режиссер в петербургской труппе Григория Арбенина (настоящая фамилия Пальм) [26, с. 2; 27, с. 2]. Некогда Пальм начинал в Ростове у Вальяно, а в это время он – один из сподвижников Лентовского, фактически копирующий его спектакли. Этот эпизод, при всей его краткости, важен как в биографии Вальяно, так и в судьбе оперетты в России. Незадолго перед этим театр Лентовского с успехом гастролировал на берегах Невы, напомнив столичной публике об Оффенбахе и его последователях. Произошло это много позже ставших уже забываться спектаклей французской труппы (1860-е годы), после триумфов первой русской звезды «легкого жанра» Веры Лядовой, к тому времени давно умершей (1870) и, как оказалось, незаменимой: вместе с ней петербургские подмостки покинула и оперетта. Как начиная семью годами ранее службу у Лентовского в Москве, так и сейчас, в труппе Арбенина, Вальяно вновь оказывается у истоков исторического явления – возрождения искусства оперетты в Петербурге.

Здесь ему посчастливилось соприкоснуться с талантливым молодым музыкантом – дирижером Гуго Варлихом, чехом по происхождению, обосновавшимся в России. Он руководил оркестром в увеселительном саду «Аркадия», позднее будет служить в Малом театре, возглавит

Придворный оркестр, в первые советские годы переименованный в Петроградский государственный симфонический, впоследствии Заслуженный коллектив России Академический симфонический оркестр Санкт-Петербургской филармонии. Таким образом, на этом посту он выступил предшественником Николая Малько, Александра Гаука, Евгения Мравинского, Юрия Темирканова. В 1900-е годы Варлих осуществит премьеры «Поэмы экстаза» Скрябина, некоторых сочинений Рахманинова.

Явился ли переход на петербургскую сцену добровольным, была ли то «творческая командировка» или «ссылка», – вопрос остается открытым. Ясно другое: служба эта не отвечала внутренним потребностям Вальяно, коль скоро в начале нового театрального сезона, уже заявленный как входящий в состав арбенинского коллектива, он просит Лентовского принять его для разговора. Относительно цели встречи сомневаться не приходится: бить челом о восстановлении на службе. Либо антрепренер так и не принял просителя, либо разговор все-таки состоялся и закончился отказом. Через месяц другому адресату он признается, что остался «без места» [28, л. 1].

Развязка драмы наступила через полтора года. Последнее послание «патрону»:

1887, апрель. Письмо человека отчаявшегося, у которого почва уходит из-под ног: «Кроме Ваших слов, неоднократно шутливым образом передаваемых лично, о том, что я непригоден Вашему делу и что мне... нечего делать у Вас, кроме серьезных отзывов, сделанных мне г. Станкевичем, что он на моем месте давно бы ушел со службы г-на Лентовского, я в течение истекшего зимнего сезона имел сотни случаев убедиться, что я для Вас человек совершенно лишний». Похоже, у Лентовского, в чьем громадном предприятии служили сотни людей, к тому времени существовало что-то вроде контрактной службы, куда надлежало «обращаться с заявлением своих услуг». Что Вальяно и сделал – несмотря на то, что уже несколько лет на службе состоял. Используя позднейшую лексику, его «волоkitят» и «отфутболивают»: просят зайти через месяц, по истечении которого говорят, что «ничего не знают и не могут приступить ни к каким распоряжениям до Вашего возвращения... Вы приехали больной, не принимали и не принимаете, что и заставляет меня писать Вам...» [29, л. 1].

Стиль изложения – суховатый, более официальный, чем прежде, без столь любимых отправителем пословиц, и в то же время скрыто взволнованный, что выражается в не характерных для речи грамотного человека длинных неуклюжих фразах.

Совершенно очевидно, что Лентовский ведет себя с ним, мягко говоря, не лучшим образом, в не свойственном ему стиле (выше приведены слова Островского: «отношение его к артистам выше всякой похвалы»). Личных встреч избегает, общается через третьих лиц. Понятно, что дело идет к увольнению, но мотивы его неясны. Антрепренер избавляется от артиста только тогда, когда тот перестает пользоваться успехом у публики, но печать называет его в числе лучших.

К тому же Вальяно – не только актер. Выходит, он перестал устраивать хозяина одновременно во всех видах деятельности? Объяснений случившемуся видится два. Первое: обострилась (или родилась заново) личная неприязнь московского антрепренера, припомнившего размолвку 1879 года. Второе: впал в немилость в результате внутритеатральных интриг, увы, не редких в артистической среде. Вспыхнуть она могла не потому, что Вальяно плох, а, наоборот, потому что «слишком хорош», чересчур заметен, уж очень приближен к первому лицу.

Как видно, актер болел, и болезнь быстро прогрессировала. Пока Вальяно оставался в Москве, пресса ничего подобного не наблюдала. Но, возможно, многоопытный Лентовский заметил первые симптомы угасания раньше других? Или болезнь спровоцировал сам разлад с ним? Словом, второй и окончательный разрыв с Лентовским порождает вопросов еще больше, чем первый.

Оценивая всю вторую половину творческой биографии Вальяно (1875–1888), открывшуюся отъездом из Ростова и включившую в себя службу в Петербурге, Николаеве, Одессе, а также последние месяцы уже после ухода от Лентовского, приходишь к следующим выводам. Потерпев в Ростове фиаско финансовое, 45-летний Вальяно несколько не разочаровался в театре вообще и оперетте в частности, сохранил созидательный дар и жажду деятельности. Человек, созданный для театра, всецело и бескорыстно ему преданный, он не мог сидеть без дела: накопленный опыт требовал применения, многочисленные таланты рвались на волю. И, как показано выше, были востребованы.

В общей сложности семь лет вращения в орбите Лентовского – срок немалый. Кем был Вальяно для Лентовского, кем – Лентовский для

Вальяно? Принимая на службу прославившегося на всю театральную Россию ростовского антрепренера, режиссера, артиста, переводчика либретто, Лентовский, безусловно, знал, какую видную фигуру опереточной сцены он получает в свое распоряжение. Только за выполнение обязанностей управляющего Лентовский должен был считать его – по крайней мере, на определенном этапе – своей правой рукой.

Если продолжить уподобление Лентовского «магу и волшебнику», уместно будет напомнить о той не всегда и не всем заметной, но исключительно важной роли, которую в цирке играют ассистенты иллюзиониста. В письмах рассеяны детали, указывающие на их неформальное общение. Чего стоит только упоминание прозвища «старый чорт», данного ему Лентовским: такая ирония и фамильярность возможна только между товарищами. Короче говоря, «второго Вальяно», при всей сложности их отношений, у него не было.

Сам же Лентовский сыграл в профессиональной судьбе бывшего ростовчанина роль решающую и при этом двойственную. С одной стороны, в Москве, рядом с личностью такого масштаба, у Вальяно, надо полагать, вновь расправились крылья. Он получил возможность играть с сильными партнерами, выступать перед московской и петербургской публикой, служить под началом одного из крупнейших антрепренеров, вновь окунуться в атмосферу любимого жанра – оперетты. Находясь в гуще грандиозных начинаний, захватывающих инициатив, порой смахивающих на авантюры, наверняка видел в своем «патроне» – по направленности творческих устремлений – родственную душу, а по размаху свершений – свою несбывшуюся мечту, которая ни в Ростове, ни в любом другом провинциальном городе осуществиться не могла. Работа у московского антрепренера, несомненно, явилась для Вальяно после 1875 года главной удачей. С другой стороны, финал «эпохи Лентовского» нанес подопечному сильнейший удар, сравнимый с тем, что он испытал после крушения собственной антрепризы в Ростове, или даже его превосходящий.

Жить Вальяно оставалось меньше года. Его ждал еще один театральный сезон, снова в провинции и снова во главе собственного дела.

Об этом – в следующей статье.

• ПРИМЕЧАНИЯ •

¹ Не путать с нынешним парком «Эрмитаж» на ул. Каретный ряд, где находится театр «Новая опера». Сад располагался в районе Божedomки, ныне ул. Дурова. В настоящее время участок застроен.

² Федор (Франц-Альберт) Шехтель – один из самых крупных российских архитекторов рубежа XIX–XX веков, по проектам которого сооружены в Москве Ярославский вокзал, множество промышленных предприятий,

гостиниц, доходных домов, банков; церкви, частные особняки, дачи, усадьбы, общественные здания возводились также в ряде губерний, среди которых, в частности, библиотека им. А. П. Чехова и другие постройки в Таганроге.

³ Недавно Лентовский стал даже персонажем восьмисерийного биографического телефильма «Шаяпин» (режиссер Е. Анашкин, 2023), весьма слабого, где представлен в совершенно превратном виде при полном отсутствии портретного сходства (артист Роман Мадянов).

⁴ Переписка была взаимной, но письма Лентовского к Вальяно безвозвратно утрачены. Последний архива после себя не оставил.

⁵ Вальяно имеет в виду себя и свою жену актрису М. К. Славину.

⁶ Русская пословица (ее первая часть – «Кто Богу не грешен...»), смысл которой таков: как бабка не без внука, так человек не без греха.

⁷ Вскоре маэстро окажется в Москве у Лентовского, возможно, по рекомендации Вальяно – и раньше него.

ЛИТЕРАТУРА

1. Селицкий А. Я. Григорий Вальяно: материалы к биографии. Между провинцией и столицей (1875–1878). Статья вторая // Южно-Российский музыкальный альманах. 2024. № 2. С. 5–9.
2. Леонов Л. А. Новочеркасский театр // Донской вестник. 1867. № 8 (21 августа). С. 32.
3. Камнев Б. М. Из ростовской старины. Ростов н/Д: Тип. М. Фонштейн, 1895. 64 с.
4. Дмитриев Ю. А. Михаил Лентовский. М.: Искусство, 1978. 303 с.
5. Плещеев А. А. Еженедельная беседа // Театральный мирок. 1885. № 5 (2 февраля). С. 1.
6. Плещеев А. А. Еженедельная беседа // Театральный мирок. 1885. № 20 (20 мая). С. 1.
7. Вальц К. Ф. Шестьдесят пять лет в театре. Л.: Academia, 1928. 240 с.
8. [Дорошевич В. М.] Театральная критика Власа Дорошевича / сост. С. В. Букчин. Минск: Харвест, 2004. 863 с.
9. Гиляровский В. А. Трущобные люди. Мои скитания. Люди театра. Москва газетная. Москва и москвичи. Дружия и встречи. Рассказы и очерки. Репортажи. Стихотворения. М.: АЛЬФА КНИГА, 2022. 1277 с.
10. Островский А. Н. Клубные сцены, частные театры и любительские спектакли // Островский А. Н. Полн. собр. соч.: в 16 т. М.: Художественная литература, 1952. Т. 12: Статьи о театре. Записки. Речи: 1859–1886. С. 97–109.
11. Станиславский К. С. Моя жизнь в искусстве. [М.]: Academia, 1933. 734 с.
12. Чехов А. П. Кое-что // Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М.: Наука, 1975. Т. 2: [Рассказы. Юморески:] 1883–1884. С. 140–142.
13. Пальм Г. А. Театр в провинции: из далекого прошлого // Исторический вестник. 1912. Т. 11. С. 718–741.
14. Янковский М. О. Оперетта: возникновение и развитие жанра на Западе и в СССР. М.–Л.: Искусство, 1937. 456 с.
15. Алексанов И. Я. Ростов-на-Дону // Театральный мирок. 1884. № 22 (2 июня). С. 5.
16. Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Т. 4. Отд. 1. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1895. 484 с.
17. Государственный центральный театральный музей им. А. А. Бахрушина (ГЦТМ). Ф. 144 (Лентовские М. В., А. В.). Оп. 1. Ед. хр. 54: Вальяно Г. С. Письмо М. В. Лентовскому от 18 марта 1879 г.
18. ГЦТМ. Ф. 144. Оп. 1. Ед. хр. 55: Вальяно Г. С. Письмо М. В. Лентовскому от 8 октября 1879 г.
19. ГЦТМ. Ф. 144. Оп. 1. Ед. хр. 54: Вальяно Г. С. Письмо М. В. Лентовскому от 28 декабря 1879 г.
20. ГЦТМ. Ф. 144. Оп. 1. Ед. хр. 57: Вальяно Г. С. Письмо М. Лентовскому от 23 января 1880 г.
21. Синяя Борода. Московские вести // Суфлер. 1880. № 31 (1 мая). С. 1–2.
22. Селицкий А. Я. Несостоявшийся приезд в Новочеркасск примы-балерины Императорских театров в зеркале газеты «Донской вестник» // Музыковедение. 2021. № 2. С. 26–33.
23. ГЦТМ. Ф. 144. Оп. 1. Ед. хр. 52: Вальяно Г. С. Письмо М. В. Лентовскому от 14 апреля 1883 г.
24. [Орленев П. Н.] Жизнь и творчество русского актера Павла Орленева, описанные им самим. Л.–М.: Искусство, 1961. 343 с.
25. ГЦТМ. Ф. 144. Оп. 1. Ед. хр. 53: Вальяно Г. С. Письмо М. В. Лентовскому от 30 сентября 1885 г.
26. Б. п. Театральные вести и заметки // Театральный мирок. 1885. № 14 (13 апреля). С. 2.
27. Я. К. Петербургские театры и увеселения // Театральный мирок. 1885. № 34 (31 августа). С. 2.
28. ГЦТМ. Ф. 130 (Крюковский А. Ф.). Оп. 1. Ед. хр. 70: Вальяно Г. С. Письмо А. Ф. Крюковскому от 5 ноября 1885 г.
29. ГЦТМ. Ф. 144. Оп. 1. Ед. хр. 59: Вальяно Г. С. Письмо М. В. Лентовскому от 11 апреля 1887 г.

REFERENCES

1. *Selitskiy A.* Grigoriy Val'yano: materialy k biografii. Mezhdru provintsiey i stolitsey (1875–1878). Stat'ya vtoraya [Grigori Valliano: materials for a biography. Between the province and the capital (1875–1878). Article two]. In: Yuzhno-Rossiyskiy muzykal'nyj al'manakh [South-Russian Musical Anthology]. 2024. No. 2. Pp. 5–9.
2. *Leonov L.* Novocherkasskiy teatr [Novocherkassk Theatre]. In: Donskoy vestnik [Don Bulletin]. 1867. No. 8 (August 21). P. 32.
3. *Kamnev B.* Iz rostovskoy stariny [From the Rostov Antiquity]. Rostov-on-Don: M. Fonshtein's Printing House, 1895. 64 p.
4. *Dmitriev Yu.* Mikhail Lentovskiy [Mikhail Lentovsky]. Moscow: Iskusstvo, 1978. 303 p.
5. *Pleshcheev A.* Ezhenedel'naya beseda [Weekly Conversation]. In: Teatral'nyj mirok [The Theatrical Little World]. 1885. No. 5. February 2. P. 1.
6. *Pleshcheev A.* Ezhenedel'naya beseda [Weekly Conversation]. In: Teatral'nyj mirok [The Theatrical Little World]. 1885. No. 20. May 20. P. 1.
7. *Val'ts K.* Shes'desyat pyat' let v teatre [Sixty-five years in the theatre]. Leningrad: Academia, 1928. 240 p.
8. [Doroshevich V.] Teatral'naya kritika Vlasa Doroshevicha [Theatre criticism of Vlas Doroshevich]. Comp. by S. Bukchin. Minsk: Kharvest, 2004. 863 p.
9. *Gilyarovskiy V.* Trushchobnye lyudi. Moi skitaniya. Lyudi teatra. Moskva gazetnaya. Moskva i moskvichi. Druz'ya i vstrechi. Rasskazy i ocherki. Reportazhi. Stikhotvoreniya [Slum people. My wanderings. People of the theatre. Moscow of newspapers. Moscow and Muscovites. Friends and meetings. Short stories and essays. Reports. Poems]. Moscow: AL'FA KNIGA, 2022. 1277 p.
10. *Ostrovskiy A.* Klubnye stseny, chastnye teatry i lyubitel'skie spektakli [Club stages, private theatres and amateur performances]. In: Ostrovskiy A. Polnoe sobranie sochineniy: v 16 t. [Complete Works: in 16 vol.]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1952. Tom 12: Stat'i o teatre. Zapiski. Rechi: 1859–1886 [Vol. 12: Articles about the theatre. Notes. Speeches: 1859–1886]. Pp. 97–109.
11. *Stanislavskiy K.* Moya zhizn' v iskusstve [My Life in Art]. [Moscow:] Academia, 1933. 734 p.
12. *Chekhov A.* Koe-chto [Something]. In: Chekhov A. Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t. [Complete Works and Letters: in 30 vol.] Moscow: Nauka, 1975. Tom 2: Rasskazy. Yumoreski: 1883–1884 [Vol. 2: Short Stories. Humorous: 1883–1884]. Pp. 140–142.
13. *Pal'm G.* Teatr v provintsii: iz dalekogo proshlogo [Theatre in the province: from the distant past]. In: Istoricheskiy vestnik [Historical Bulletin]. 1912. Vol. 11. Pp. 718–741.
14. *Yankovskiy M.* Operetta: vozniknovenie i razvitie zhanra na Zapade i v SSSR [Operetta: The emergence and development of the genre in the West and in the USSR]. Moscow–Leningrad: Iskusstvo, 1937. 456 p.
15. *Aleksanov I.* Rostov-na-Donu [Rostov-on-Don]. In: Teatral'nyj mirok [The Theatrical Little World]. 1884. No. 22 (June 2). P. 5.
16. *Vengerov S.* Kritiko-biograficheskiy slovar' russkikh pisateley i uchenykh [Critical and Biographical Dictionary of Russian Writers and Researchers]. Vol. 4. Part 1. St. Petersburg: M. Stasyulevich's Printing House, 1895. 484 p.
17. Gosudarstvennyy tsentral'nyi teatral'nyi muzey imeni A. Bakhrushina (GTsTM) [A. Bachrushin State Central Theatre Museum (SCTM)]. F. 144 (Lentovsky M., Lentovsky A.). L. 1. Ex. 54: Val'yano G. Pis'mo M. Lentovskomu ot 18 marta 1879 g. [Letter to M. Lentovsky dated March 18, 1879].
18. GTsTM [SCTM]. F. 144. L. 1. Ex. 55: Val'yano G. Pis'mo M. Lentovskomu ot 08 oktyabrya 1879 g. [Letter to M. Lentovsky dated October 08, 1879].
19. GTsTM [SCTM]. F. 144. L. 1. Ex. 54: Val'yano G. Pis'mo M. Lentovskomu ot 28 dekabrya 1879 g. [Letter to M. Lentovsky dated December 28, 1879].
20. GTsTM [SCTM]. F. 144. L. 1. Ex. 57: Val'yano G. Pis'mo M. Lentovskomu ot 23 yanvary 1880 g. [Letter to M. Lentovsky dated January 23, 1880].
21. *Sinyaya Boroda.* Moskovskie vesti [Moscow News]. In: Sufler [The Prompter]. 1880. No. 31 (May 1). Pp. 1–2.
22. *Selitskiy A.* Nesostoyavshiysya priезд v Novocherkassk primy-baleriny Imperatorskikh teatrov v zerkale gazety «Donskoy vestnik» [The failed arrival of the Prima ballerina of the Imperial theatres to Novocherkassk in the mirror of the newspaper “Don Bulletin”]. In: Muzykovedenie [Musicology]. 2021. No. 2. Pp. 26–33.

23. GTsTM [SCTM]. F. 144. L. 1. Ex. 52: Val'yano G. Pis'mo M. Lentovskomu ot 14 aprelya 1883 g. [Letter to M. Lentovsky dated April 14, 1883].
24. [Orlenev P.] Zhizn' i tvorchestvo russkogo aktera Pavla Orleneva, opisannye im samim [The Life and Work of the Russian actor Pavel Orlenev described by himself]. Leningrad–Moscow: Iskustvo, 1961. 343 p.
25. GTsTM [SCTM]. F. 144. L. 1. Ex. 53: Val'yano G. Pis'mo M. Lentovskomu ot 30 sentyabrya 1885 g. [Letter to M. Lentovsky dated September 30, 1885].
26. B. p. Teatral'nye vesti i zametki [Theatrical news and notes]. In: Teatral'nyj mirok [The Theatrical Little World]. 1885. No. 14 (April 13). P. 2.
27. Ya. K. Peterburgskie teatry i uveseleniya [Petersburg theaters and amusements]. In: Teatral'nyj mirok [The Theatrical Little World]. 1885. No. 34 (August 31). P. 2.
28. GTsTM [SCTM]. F. 130 (Kryukovsky A.). L. 1. Ex. 70: Val'yano G. Pis'mo A. Kryukovskomu ot 5 noyabrya 1885 g. [Letter to A. Kryukovsky dated November 5, 1885].
29. GTsTM [SCTM]. F. 144. L. 1. Ex. 59: Val'yano G. Pis'mo M. Lentovskomu ot 11 aprelya 1887 g. [Letter to M. Lentovsky dated April 11, 1887].

Селицкий Александр Яковлевич

доктор искусствоведения, профессор кафедры истории музыки
Ростовская государственная консерватория им. С. В. Рахманинова
Россия, 344002, Ростов-на-Дону
aria11@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-7082-3780

Alexander Ya. Selitsky

Dr. Sci. (Art), Professor at the Music History Department
S. Rachmaninov Rostov State Conservatory
Russia, 344002, Rostov-on-Don
aria11@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-7082-3780